

ПЕККЁР ПОСЛЕ 1848 ГОДА

В. Волгин

Литература о Пеккёре невелика и не даёт полной и всесторонней характеристики его литературной деятельности. И специально посвященные ему книги и статьи (Marie, Margu) и общие работы по истории и теории социализма (Malon, Fourniere, Andler, P. Louis, Прокопович) дают более или менее подробное и точное изложение идей Пеккёра преимущественно на основании больших произведений, опубликованных им в конце 30-х и в начале 40-х годов (Des intérêts du commerce, La théorie nouvelle d'économie politique, De la paix, Des améliorations matérielles, La République de Dieu). Его журнальным статьям они либо вовсе не уделяют внимания либо касаются их очень бегло. Между тем Пеккёр не только участвовал довольно активно в периодической печати 40-х годов, но в течение полугодя издавал собственный журнал «Salut du peuple». Последний представляет для нас особый интерес, так как он выходил в 1849—1850 годах и является, таким образом, источником, по которому мы можем судить о том, какие сдвиги в воззрениях Пеккёра вызвала революция 1848 года.

Для того чтобы оценить эти сдвиги, необходимо напомнить основные черты учения Пеккёра, как оно сложилось к середине 40-х годов. Пеккёр разделял с утопическими школами начала XIX века идеалистическое понимание мира и исторического процесса. Примыкая к весьма распространённому среди утопистов течению мысли, он устанавливает связь между судьбами человеческого общества и «божественным провидением», между планом социальных преобразований и «законами, данными человеку богом». Подобно другим утопистам, он видит свою задачу в том, чтобы построить идеал человеческого общества, исходя из общих принципов морали и религии. Но наряду с этим Пеккёр ставит перед собой и другую задачу — научно осмыслить социальное значение происходящего на его глазах технического переворота, связанного с внедрением в производство новых производительных сил. Внимание к «материальным улучшениям», к «новым машинам» позволило ему внести много оригинального и интересного в характеристику современного ему общества. Но открыть действительные закономерности развития производительных сил, установить связь между этим развитием и социалистическим преобразованием общества было ему не по силам. Для этого нужен был гений Маркса, для этого нужна

была методология диалектического материализма. Разрешить эту задачу, оставаясь на позициях идеалистической философии, было невозможно.

В дореволюционных работах Пеккёра рассуждения его о путях будущего развития общества исполнены противоречий. Он отмечает, с одной стороны, обнищание, пауперизацию рабочих в связи с внедрением в производство новой машинной техники, а с другой стороны, старается убедить читателя, что технические усовершенствования расширят возможности рабочего накапливать и подниматься до лучшего положения. Понимая, что «материальные улучшения» ведут неизбежно к укрупнению предприятий и к пролетаризации мелких товаропроизводителей, Пеккёр в то же время выражает уверенность, что технический прогресс будет содействовать переходу рабочих в ряды «среднего класса», его укреплению. Пеккёр, с одной стороны, предвидит рост культуры и сознательности рабочих, работающих на больших предприятиях, в связи с внедрением новой техники, но, с другой стороны, он не верит в способности рабочих собственными силами добиться своего освобождения. Пеккёр констатирует факт классовой борьбы, раздражающей современное общество, и признаёт её историческую неизбежность, но решительно отвергает классовую борьбу как средство общественного преобразования.

Отказавшись, таким образом, от единственного реального пути движения общества к социализму, Пеккёр беспомощно предлагает читателю на выбор разнообразные мирные пути социализации. При всём разнообразии этих проектов Пеккёра все они — в предреволюционный период — отличаются одной общей чертой: они игнорируют остроту характерных для капиталистического общества противоречий и опираются, в конечном счёте, не на анализ действительных общественных отношений, а на предвзятую идею неизбежного, хотя и постепенного, торжества моральных принципов, носителями которых являются «люди доброй воли». Этот способ Пеккёра разрешения внутренних противоречий вполне соответствует его общей идеалистической философии. Но совершенно ясно, что никакой объективной научной ценности такой способ не имеет, что это лишь воображаемый выход из тупика, в котором бессильно бьётся мысль Пеккёра.

Резко критикуемому им капиталистическому строю Пеккёр противопоставляет

весьма последовательную и весьма продуманную для его времени картину социалистического порядка. Его вариант представления о будущем строе отличается от последовательно коммунистического, что подчёркивает и сам Пеккёр. Изображение будущего общества у Пеккёра является предвидением не высшей фазы развития коммунизма, как она охарактеризована у Маркса, Ленина и Сталина. Это тип общественного строя, который мы называем теперь социалистическим и который в наших представлениях соответствует первой, нижней фазе коммунизма; социалисты XIX в. чаще всего именовали такой строй коллективистическим. В истории разработки его основных принципов Пеккёру принадлежит значительное место. По чёткости социалистических выводов учение Пеккёра представляет большой шаг вперёд по сравнению с системами не только его предшественников — сенсимонистов и фуьристов, — но и его современников: Бушеза, Леру и Луи Блана. Содействуя уточнению социалистических представлений, учение Пеккёра в этой части, несомненно, являлось отражением роста социалистического сознания французского пролетариата.

Смелый и последовательный в своих прогнозах, относящихся к отдалённому будущему, Пеккёр в своих дореволюционных произведениях проявляет большую робость, как только перед ним встают вопросы ближайших перспектив общественного развития. Он отступает в искупе перед картиной бедствий, которыми грозит обществу классовая борьба, он боится «невежественных рабочих», он предостерегает от насилия, выступает против «ложной» демократии, против «беззастенчивых» демагогов. Он стремится во что бы то ни стало доказать возможность «мирного» перехода к социализму. Страх перед классовой борьбой, стремление укрыться от «неприятной» исторической реальности под сенью религии, идеалистической философии и социалистически истолкованной христианской морали типичны почти для всех направлений утопического социализма. На ранних стадиях развития утопического социализма в трудах великих утопистов непонимание ими исторического значения классовой борьбы пролетариата в известной мере соответствовало недостаточно высокому уровню его классового самосознания. Десятилетия, отделяющие Пеккёра от великих утопистов, отмечены ростом капиталистических отношений и обострением социальных противоречий. Но Пеккёр оказался не в состоянии порвать со старой традицией утопизма, получившей в новых условиях реакционный смысл. Его рассуждения о путях становления социализма отражают не завтрашний, а вчерашний день в историческом развитии рабочего класса, не столько его рост, сколько препятствующие этому росту мелкобуржуазные идеологические влияния.

После всего сказанного нас не должно удивлять, что главную роль в предстоящем социальном преобразовании, в своих ранних произведениях Пеккёр отводит не пролетариату, а «культурным» «средним классам»;

ведь и в этом отношении его взгляды не отличаются существенно от взглядов великих утопистов. Но в социальной и политической обстановке 40-х годов XIX века этот призыв к средним классам весьма резко подчёркивает мелкобуржуазные черты и тенденции учения Пеккёра. Не случайно в истории революции 1848 г. имя Пеккёра тесно связано с именем Луи Блана (Пеккёр был деятельным членом люксембургской комиссии). Не случаен также интерес к Пеккёру мелкобуржуазных оппортунистов эпохи II Интернационала (Андлер, Фурньер, Прокопович).

★

Итак, вызвал ли опыт революции 1848 г. какие-либо изменения или, по крайней мере, какие-либо новые оттенки в социальной системе Пеккёра?

В первые месяцы революции Пеккёр наряду с рядом других представителей предреволюционного социализма был привлечён Луи Бланом к участию в работе Люксембургской комиссии. Пеккёр был одним из самых активных деятелей комиссии. Его подпись стоит под основным документом комиссии, подводящим итоги всей её работы. Плачевный результат этой деятельности, к которой он приступил, вероятно, с большим энтузиазмом и с высокими надеждами, должен был принести ему громадное разочарование, рассеять многие из его иллюзий.

К изданию журнала Пеккёр приступил лишь год спустя, осенью 1849 года. Этот период в развитии революционного процесса во Франции отмечен новым подъёмом демократического движения. Политика контрреволюционной буржуазии, прибравшей власть к своим рукам после июньского поражения пролетариата и избрания президентом Луи Наполеона, неизбежно должна была толкать влево мелкую буржуазию и крестьянство. «Мелкая буржуазия, — говорит Маркс, — в ужасе поняла, что, разбив рабочих, она беспрекословно предала себя в руки своих кредиторов»¹. Мероприятия буржуазной коалиции, особенно её налоговая политика, содействовали политическому воспитанию крестьянства, пробуждали в крестьянских массах понимание того, в каком лагере находятся их эксплуататоры, в каком — их возможные союзники. Перед лицом объединённых сил контрреволюции революционизирующиеся мелкие буржуа и крестьяне естественно стремились к объединению с рабочим классом. Эта тенденция проявлялась уже в союзе мелкобуржуазных демократов (Гора) с вождями социалистического движения в начале 1849 г.; этот поворот в общественных настроениях сказался на результате дополнительных выборов осенью 1849 г. и в начале 1850 года.

Происходило объединение демократических сил, чреватое опасностями для господствующей буржуазии. — Объединение вокруг «Красного знамени». Вновь приобрели злобо-

¹ К. Маркс «Классовая борьба во Франции», стр. 51. 1938.

дневность все вопросы социального преобразования, поставленные старыми социалистическими школами: вопрос о кредитовании труда, о различных способах организации ассоциаций и о государственной помощи ассоциациям, о национальных мастерских, о роли в социальном преобразовании различных слоёв населения, о завершении революции и о новой революции. В то время как наиболее передовые элементы пролетариата под впечатлением уроков революции всё более тяготели к революционному коммунизму, различные течения мелкобуржуазного социализма, пользуясь благоприятной ситуацией, созданной для них сближением мелкой буржуазии с рабочим классом, пытались выступать вновь со своими старыми рецептами искоренения социальных зол. Именно в этот период революции и начал Пеккёр издавать свой журнал. С концом этого периода, отмеченным отменой всеобщего избирательного права и законом о печати 1850 г., прекратился и журнал Пеккёра.

В шести номерах журнала «Salut du peuple» мы находим статьи на самые разнообразные темы. В них нашли отражение взгляды Пеккёра почти по всем вопросам, которых он касался в своих дореволюционных трудах. Не подлежит сомнению, что его основные принципы остались неизменными.

Как и до революции, Пеккёр в «Salut du peuple» выступает в качестве защитника идеи мирного прогресса. Партия, говорит Пеккёр, которая выдвигает в качестве своего девиза насилие, изъятия, мятежи и репрессии, партия, которая руководствуется гневом и мстостью, — такая партия обрекает себя на поражение. Демократия должна быть верна своим принципам. Её цель — обновление чувств и идей, её средство — убеждение. Обновление учреждений и законов придёт затем само собой². В 1850 г. Пеккёр продолжает призывать к «разумному решению социального вопроса к уступкам со стороны владеющих классов, ко всеобщему «соглашению»³. И всё же в его отношении к революции и к революционному насилию чувствуется некоторая перемена.

В № 5 журнала в качестве передовой помещена статья под своеобразным заглавием «Le progrès par la douleur»⁴. Автор последней монографии о Пеккёре, Марси, утверждает, что все статьи в «Salut du peuple» были написаны самим Пеккёром. Мы не имели возможности проверить это утверждение, но считаем его весьма правдоподобным. Во всяком случае, помещение указанной статьи на первом месте свидетельствует о том, что выраженные в ней мысли полностью разделялись Пеккёром как редактором журнала.

Мы предчувствуем, говорилось в статье, что революционный поток, унося последние остатки языческого и феодального прошлого, минует все иллюзорные компромиссы со злом, которые именуются переходными мерами, и вольётся в чистые воды са-

мого последовательного социализма. Это предчувствие не есть результат ведущего к самообману желания; оно основывается на уроках истории. «Прогресс, который должен быть совершен под общие крики радости и освящаться религиозными церемониями, осуществлялся всегда, до сих пор, на путях скорби, среди всеобщего траура. То, что для будущего является громадным достижением, благословением свыше, представляется в настоящем длительным искуплением ошибок прошлого». Прошлое не хочет уступить будущему, сила не хочет уступить справедливости, факт — праву, предрассудок — разуму, невежество — знанию. Отсюда неизбежность насильственного решения социальных проблем. В истории всякая сколько-нибудь значительная эволюция всегда происходила в недрах революции. Покажите мне, восклицает автор, прогресс в учреждениях и нравах, который совершился бы иначе! Привилегированные и удовлетворённые никогда не проявляют желания вступать на путь, который, по их мнению, ведёт их к пропасти или к социальной смерти. Они издалека чуют конец своих привилегий. Поэтому они против переходных мер, против уступок. Ведь это переход к упразднению того, что они считают своим абсолютным правом. В данный момент, например, это переход к лишению прав капитала и к воцарению труда. Не ждите от них ничего. Никогда не принимали они достойно прогрессивного и мирного движения к лучшему. Судя по урокам истории, следует ожидать, что в обоих лагерях будут готовиться: в одном — к атаке, в другом — к отпору. И если бы завтра собрались Генеральные Штаты, в которых участвовали бы, с одной стороны, капиталисты и собственники, с другой — рабочие, пролетарии, то мы увидели бы, как гордые узлы социализма разубаюются мечом в огне гражданской войны, быть может, ценой смерти наций, которые сейчас являются передовыми.

Искать каких-либо средств мирного перехода, способных примирить добро и зло, — это безнадежная задача. Если бы человечество в прошлом ждало открытия таких средств, чтобы освободиться от несправедливостей, установившихся в течение веков, то мы и до сих пор жили бы в режиме каст и антропофагии. Если не будет внезапного проявления чувств любви и милосердия во всех умах, общество ждёт: или возвращение к варварству или гигантский скачок по пути прогресса, через ожидающий нас революционный ураган. В этом урагане исчезнут старые права, старые учреждения, а может быть, и старые нации.

Представлениям Пеккёра о революции не чужды элементы диалектики. Не следует думать, говорит он, что пролетариат удовлетворяется переходными мероприятиями, которые в действительности ничего не излечивают. Кто говорит «переход», говорит «развитие». Но в глубоких революциях общество не развивается, оно трансформируется. И в этих случаях происходит перерыв последовательности между тем, что было, и тем, что становится. Переходы возможны, когда из одного и

² «Salut du peuple» № 1, p. 5.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 3.

того же принципа извлекаются новые выводы, но когда дело идёт о переходе от одного принципа, выводы из которого уже исчерпаны, к другому принципу, — тогда переходы невозможны, тогда providенциальной неизбежностью становится революция. т. е., как мы сказали, перерыв последовательности. Мы находимся сейчас именно в таком положении, ибо нам предстоит перейти от последних применений принципа индивидуализма к первым применениям принципа солидарности, коллективизма⁵.

Как мы видим, в статье всё же предусматривается, хотя и в очень неопределённой форме, возможность мирного разрешения кризиса в случае победы в сердцах людей чувств любви и милосердия. Поэтому автор, предрекая оптимистам разочарование, считает всё же нужным обратиться с призывом к высшим классам: «Вы говорите, что вы хотите социального мира? Хорошо, есть простое и верное средство: даруйте и блюдите социальную справедливость, которая предусматривает равенство состояний». Всё зависит от здравого смысла богатых классов: насилия и беспорядок, которые они предвидят и которых они так боятся, произойдут лишь в результате их слепого и преступного сопротивления действительному прогрессу⁶.

Как призыв и пророчество звучит заключение статьи: «Вспомните о судьбе стольких знаменитых наций — Рима, Греции, Египта, Ассирии... Берегитесь, чтобы цивилизация не перенесла своего знамени на вершину Кремля; чтобы она не дала своего благословения неисчислимой расе славян. Берегитесь! Бессмертие обещано только тем нациям, которые борются за дело божье, т. е. за прогресс, за свободу, равенство и братство всех. Франция переживает торжественный и страшный момент; вопрос стоит для неё так: быть или не быть; смерть или радикальная трансформация»⁷.

Несмотря на это предупреждение и обращение к доброй воле, характерные для до-революционных произведений Пеккёра, бросается в глаза различие между тем, как трактуется проблема революции в изложенной статье, и тем, как разрешал её Пеккёр в своих ранних работах. И это изменившееся отношение к революции сказывается не только в одном, случайном отрывке: оно чувствуется во всех тех случаях, когда Пеккёру приходится касаться этой проблемы. Уже во введении к первому номеру журнала Пеккёр называет восстание «средством спасения», «предохранительным клапаном» для находящегося в критическом положении народов. Он отказывается давать теорию восстания, подготавливать к нему, но не потому, что оно недопустимо, а потому, что народ сам берётся за это дело, когда настанет для него момент. Это право нельзя у народа оспаривать. Ибо в анналах человеческой истории не бывало социальной эволюции без революции и революции без ка-

таклизма⁸. Пеккёр считает, что восстание может быть законным не только тогда, когда оно направлено против монархии. Меньшинство в праве и даже обязано восстать против большинства, если большинство принимает решения, противоречащие принципу народного суверенитета (например, восстанавливает королевскую власть); если большинство нарушает вечные законы справедливости; если оно препятствует прогрессу; если оно утверждает неравенство. Восстание против несправедливости во имя прогресса — долг перед богом и перед людьми⁹. Если индивиды или меньшинства по совести считают существующее право ложным, у них остаётся возможность сопротивляться этому ложному праву, завоевывать силой ту свободу, в которой им отказывает сила¹⁰. Ибо верховный суверенитет принадлежит закону любви и справедливости, закону свободы равенства и братства. Суверенитет народа есть суверенитет условный.

Представляя себе будущее революционное столкновение, Пеккёр, как мы видим, ожидает, что в этом столкновении на страже существующего порядка будут капиталисты и собственники, на стороне нового порядка — рабочие, пролетарии. Характерно, что в «Salut du peuple» мы совсем не находим упоминания о «средних классах», которым в конце 30-х и в начале 40-х годов Пеккёр отводил основную роль в деле общественного преобразования. В 1850 г. эта роль принадлежала пролетариату. Только пролетариат, заявлял Пеккёр, свободен от подчинения доктрине интереса и совершившихся фактов. Пролетариат открывает эру революций. Не следует думать, что рабочие, поднявшие знамя революции, стремятся только к повышению своего благосостояния. Нет, дело идёт о торжественном признании прав равенства и братства, об «отмене» пролетариата, о новом этапе в развитии цивилизации, о выходе трудящихся классов на арену социальной и политической жизни¹¹. Цель не в том, чтобы победивший класс эгонистически стал на место побеждённого, цель в слиянии классов, в том, чтобы человечество стало тем, чем оно должно быть, — единой семьёй¹².

Исходя из своего нового понимания исторических задач пролетариата, Пеккёр призывает рабочих к единению и солидарности. Единение и солидарность обеспечивают пролетариату достижение свободы, равенства и благосостояния. Оставаясь разрозненными, предоставленными самим себе, пролетарии увековечивают своё рабство. Рабочий, который этого не поймёт, — раб по своей природе. Но наиболее интеллигентная часть рабочих, к которым в данном случае Пеккёр причисляет и крестьян, всё это уже поняла, и скоро это будет ясно всей массе пролетариата. В единении — сила. Католики говорят: вне церкви нет спасения. Для рабочих нет спасения вне всеобщей солидарности. Итак, солидарность! — вос-

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 7—10.

¹⁰ Там же № 6, стр. 7.

¹¹ Там же № 5, стр. 7—10.

¹² Там же №1, стр. 7—8.

⁵ «Salut du peuple» № 1, стр. 6.

⁶ См. Там же.

⁷ Там же, стр. 6—7.

кликает Пеккёр. Солидарность не только между рабочими одной отрасли промышленности, между рабочими одного кантона, не только между рабочими одной страны: нет, «святая солидарность рабочих всех стран Европы, а если бы это было сейчас возможно, и всего мира!». Союз, который охватил бы не только труженников города, но и труженников деревни, собрал бы путём членских взносов громадные суммы и мог бы сделать чудеса»¹³.

В первом же номере своего журнала Пеккёр выражает сомнение в целесообразности «переходных мер», если они не связаны с «радикальными принципами»¹⁴. Улучшения паллиативного характера — это лишь временные остановки для пролетариев, идущих к завоеванию прав человека во всей их полноте. Убедившись в недостаточности таких мер, пролетарии неизбежно пойдут дальше к своей цели. В начавшейся революции дело идёт не о реформах в торговле, не о запрещении ростовщичества: дело идёт об уничтожении пролетариата, о реализации свободы, равенства, братства¹⁵. Из этого, однако, не следует, что Пеккёр отвергает возможность «постепенного» и «добровольного» перехода от существующего строя к последовательному социализму. Как в своих ранних произведениях, так и в статьях 1850 г. он предупреждает о необходимости считать не только с теоретически построенным идеалом, но и с реальными возможностями. Чтобы достигнуть основных целей практического социализма: социализации орудий труда, преобразование всех видов труда в социальные функции, экономического единства наций, равенства социальных, экономических и политических условий, — необходимо использовать все отношения и тенденции нашей эпохи. Исходя из этого, Пеккёр считает нужным предложить царю ряд различных способов достижения цели.

Все эти способы он сводит к двум категориям: общество может быть преобразовано снизу, путём индивидуальной инициативы, путём свободы, или сверху, путём коллективной инициативы, путём государственных мероприятий¹⁶.

Пеккёр напоминает, — очевидно, опровергая противников государственного вмешательства, — что «унитарные социалисты», к которым он причисляет себя, никогда не отрицали первого способа преобразования — «пути свободы». Наоборот, они всегда утверждали, что просвещённая свобода, косвенно поддерживаемая государством, может сама осуществить ассоциацию и все те преимущества, которые присущи организации труда, осуществляемой сверху. Ассоциацию нельзя навязать насильно. Она появится, когда народ поймёт её пользу и захочет её организовать.

¹³ «Salut du peuple» № 2, стр. 16—17. В этом рассуждении о Рабочем союзе Пеккёр, несомненно, находился под сказывавшимся даже в деталях влиянием Ф. Тристана.

¹⁴ Там же № 1, стр. 20.

¹⁵ Там же № 5, стр. 8—9.

¹⁶ Там же № 2, стр. 14.

Отправным пунктом преобразования общества на путях к свободе является производственная корпорация рабочих. Это центр труда, элемент новой социальной экономики. С точки зрения экономической, основное звено социалистического порядка составляет ассоциация, построенная на равенстве и солидарности интересов. Однако не следует думать, что образование «добровольных товариществ» рабочих само по себе способно разрешить социальную проблему¹⁷. Если рабочие товарищества тотчас же не объединятся между собою, если они не заключат пакта солидарности и взаимности, не обеспечат таким образом верной «клиентеллы» для своих продуктов, — все пропало: они погибнут в борьбе с хитрыми и ловкими предпринимателями-капиталистами, которые ничего не пожалуют, чтобы их уничтожить¹⁸. Помимо этой опасности, угрожающей рабочим товариществам извне, со стороны капиталистического мира, Пеккёр видит в системе свободных товариществ также и внутренний порок, грозящий разложением системы. Порок этот — возможность конкуренции между самими товариществами и в результате этой конкуренции возможность подчинения одних товариществ другим, обладающим монополией на предметы первой необходимости. Следовательно, система свободных товариществ не исключает неравенства, если даже отдельные товарищества основаны на принципах самого строгого равенства¹⁹.

Итак, товарищества, организованные рабочими для производства за их собственный счёт, должны быть в свою очередь объединены, они должны иметь единый регулирующий и направляющий их деятельность центр. Как в процессе организации свободных рабочих товариществ, так и в процессе их объединения Пеккёр большую роль отводит союзу рабочих, объединению их сил. Союз рабочих должен поставить перед собой цель — организовать производство силами самих рабочих, без помощи капитала, уничтожить ростовщичество и частное предпринимательство, освободить трудящихся от десятины, которую с них взимают под видом арендной платы, процента, прибыли. Для достижения этой цели необходимо: создать собственные предприятия с собственным капиталом; заключить соглашения о взаимном потреблении продуктов этих предприятий; организовать для совместной закупки оптом продуктов, которые они сами не производят; бороться против понижения заработной платы членов союза, работающих на частных предприятиях; обеспечить взаимопомощь на случай безработицы, болезни, старости и т. д.²⁰.

Начинать организацию собственного производства Пеккёр рекомендует с таких отраслей промышленности, которые наиболее соответствуют навыкам членов союза, которые в данной местности имеют наибольшие шансы на успех. На работников каждого товарищества должно быть возложено

¹⁷ Там же № 1, стр. 24; № 2, стр. 21.

¹⁸ Там же № 2, стр. 15.

¹⁹ Там же № 5, стр. 15.

²⁰ Там же, стр. 17.

обязательство все закупки производить исключительно в магазинах союза. Для того чтобы выдержать конкуренцию с частными предпринимателями, заработную плату в товариществах надлежит установить на первых порах в том же размере, в каком её получают в анархической индустрии, а продажные цены продуктов — несколько ниже цен на продукты частных предпринимателей. Все члены товарищества должны участвовать в создании фонда товарищества путём взносов, покрываемых впоследствии товарами. Ни в коем случае не следует допускать капитал к такому участию в ассоциации, при котором капиталист мог бы приобрести решающее влияние в предприятии; вообще следует избегать займов, а в случае необходимости прибегнуть к ним отказываясь работодателям в праве вмешиваться во внутреннюю экономику ассоциации. Что касается капиталистов, сохраняющих ещё свои собственные предприятия, союз рабочих может своей деятельностью вынудить их к передаче руководства предприятием за справедливое вознаграждение уполномоченному ассоциации. Таким образом, союз может добиться полной эмансипации рабочих предприятия от власти капитала и эксплуатации. На таких предприятиях при директоре должен быть организован совет, избираемый рабочими; за капиталистом можно сохранить право вето или право выбора из представляемых ему нескольких кандидатов. Связь между объединёнными товариществами должна осуществляться с помощью выбранного им административного совета, уполномоченного контролировать деятельность каждого производственного центра, распределять между ними кредиты и труд; определять заработную плату и цены на товары, обеспечивать солидарность, взаимность и справедливость в отношениях между товариществами. Совет устранит возможность конкуренции между отдельными предприятиями, будет заботиться о распределении между ними продуктов, о сбыте их с максимальной пользой для всех членов ассоциации, будет определять тариф заработной платы.

Тот же Совет должен распределять между пайщиками чистый доход товарищества после выделения известной его части на общественные нужды. При распределении коллективного дохода должны быть приняты во внимание все потребности социальной и индивидуальной жизни. Прежде всего должны быть выделены суммы, необходимые для сохранения и дальнейшего роста неделимого и неотчуждаемого социального капитала. Должны быть предусмотрены также: резерв на покрытие недовыработки слабых и малоспособных работников, резерв на случай болезни и временной нетрудоспособности членов ассоциации; резерв на отпуск, на развлечения, на путешествия и т. п.²¹

Идеи рабочего союза как силы, содействующей преобразованию общества на началах ассоциации, в ранних произведениях

Пеккёра мы не находим. Этого нельзя сказать об идее содействия государства победе принципа ассоциации. Пеккёр никогда не отказывался от известных форм такого содействия. Однако не подлежит спору, что после 1848 г. Пеккёр стал склонен отдавать гораздо более значительную роль государству в деле разрушения капиталистического порядка и утверждения порядка социалистического. Уточнению и углублению его взглядов по этому вопросу, несомненно, способствовало распространение прудоновских идей «анархии», с которыми Пеккёр в той или иной форме полемизирует в каждом номере своего журнала (в первом номере борьбе с прудонизмом посвящены даже две статьи: «Qu'est ce que l'Etat», «Premiere lettre au citoyen Proudhon»).

В полемике с анархистами Пеккёр развивает свою собственную теорию государства. Государство, говорит он, вечно по самому своему существу. Нет общества без государства, как нет человека без головы. Эгоистические интересы и страсти, предоставленные самим себе, ведут к беспорядку и насилию. Абсолютное «laissez faire» невозможно. Поскольку это так, насильственная власть остаётся первым условием индивидуальной безопасности, сохранения в обществе накопленных богатств и материального порядка. Когда возникают новые желания и потребности, на их почве вырастает новая система идей, чувств, моральных и материальных отношений. Если государство принимает эту систему, прогресс происходит мирно. Если государство неподвижно или ретроградно, движение происходит помимо него, вопреки ему. Народ разрушает государство, которое является препятствием на его пути, но лишь для того, чтобы на его место поставить лучшее. Это революция. В результате её государство как бы возрождается с миссией узаконить её достижения, узаконить новую систему отношений. Так формы государства сменяют одна другую, но власть как таковая всегда остаётся конститутивным элементом общества. Нельзя рассчитывать на то, что различные воли и страсти сами по себе, анархически сойдутся на тех целях, достижения которых требуют право, счастье и свобода для всех²².

Как до революции, так и после неё Пеккёр в сущности признаёт верховным сувереном божество, действующее через данные им моральные законы любви и справедливости. Однако право практической интерпретации этих законов принадлежит коллективному разуму народа, коррективом к которому является, как мы видели, право на восстание. Пеккёр напоминает в своём журнале, что он ещё в 1845 г. предсказывал приближение момента, когда народ в результате роста своего самосознания, понимания своих прав и обязанностей в действительности провозгласит и установит свой суверенитет. Он полагает, что с революцией 1848 г. этот момент уже наступил, что народ может уже сказать: «Государство — это я, ибо суверен — это я». Этому перевороту, этому осуществлению народного суверенитета, ещё недавно бывшего лишь

²¹ «Salut du peuple» № 2, стр. 17—19, № 5, стр. 31.

²² Там же № 1, стр. 20, 24—28.

идеалом, Пеккёр придавал значение коренного переворота. «Если под государством, — говорил он, — понимать власть, государство, какими они были в прошлом, то можно сказать, что в социальной демократии нет государства»²³. Однако достигнутую ступень в развитии власти народа Пеккёр не считает завершающей. Претензии и прерогативы депутатов, законодателей и королей отошли в прошлое; в настоящее время государственные деятели должны быть людьми народа, т. е. его уполномоченными. Нужен ещё один шаг вперёд: государственным деятелям должны стать сами народные массы. В принципе народ сам должен быть живым законом — термин, унаследованный Пеккёром у сенсимонистов, которые относят его, однако, не к народу, а к «верховному вождю». Не должно быть никаких договоров народа с его слугами, т. е. с его членами, хотя бы на один день, никаких писанных законов, никаких конституций. Не должно быть пожизненных или временных властей: каждый индивид в каждый момент своей жизни должен участвовать в законодательном творчестве, лично содействовать управлению республикой, быть одной из реальных сил, из которых складывается социальное движение. Пеккёр убеждён, что настанет день, когда весь народ будет повседневно высказывать своё мнение о своих собственных делах и, следовательно, сам сможет их вести.

Современный ему государственный порядок Пеккёр называет «государство-представитель», будущее государство — «государство-народ». «Государство-представитель» превращается в «государство-народ» в результате роста коллективного разума, совершенствования социального механизма. В дальнейшем «государство-народ» сформируется в единстве. Не подлежит сомнению, что Пеккёр приближается здесь к идее отмирания государства, но, конечно, в форме, соответствующей его идеалистическому мировоззрению²⁴.

Когда народ сам станет государством, прогресс будет совершаться путём незаметных улучшений в соответствии с прогрессом в общественном мнении. И тогда власть будет нужна как условие единства, экономии, справедливого распределения. Но это будет власть самого народа, и поэтому она не будет представлять никакой опасности для законной независимости индивида²⁵.

Принуждение, утверждает Пеккёр, полемизируя с анархистами, вполне законно, когда оно служит справедливости. Претензии анархистов обойтись без вмешательства государства в дела экономической организации Пеккёр считает противоречащей самым бесспорным истинам. Правда, он отмечает также и от сторонников диктатуры; однако диктатуру он допускает — а моменты социальных катаклизмов, если она служит общественному благу²⁶.

Пеккёр не раз обращается к вопросу о тех мероприятиях, при помощи которых го-

сударство содействует переходу от капитализма к социализму, и даёт их в разных вариантах. Подробнее всего программа реформ, «ограничивающих» произвол и тиранию капиталистов и землевладельцев и тем самым помогающих делу социального преобразования, развита в одной из статей пятого номера разбираемого журнала. Осуществление намечаемых в этой программе мероприятий установило бы, по мнению Пеккёра, некоторый переходный порядок между режимом абсолютной «апроприации» орудий труда и режимом функционального пользования им. Этот переходный порядок Пеккёр называет режимом «условной апроприации», так как он допускает частное владение источниками общественного богатства, но на известных условиях. Эти условия таковы: 1) лихоимство во всех его формах запрещается; так как понятие «лихоимство» покрывает у Пеккёра все нетрудовые доходы, то тем самым воспрещается и предпринимательская прибыль²⁷; 2) запрещается анархический обмен; устанавливается общий тариф цен на товары и все виды заработной платы и жалования; торговцы по профессии, спекулянты, наживающиеся на обмене, — те же ростовщики, воры, их занятие вся греко-римская древность считала аморальным (именно поэтому Христос выгнал торговцев из храма); свободный обмен неизбежно порождает неравенство; 3) на каждого держателя капитала возлагается обязанность включить в число участников в распределении продуктов или их стоимости всех, кто содействует изготовлению этих продуктов, на основе равенства, т. е. в соответствии с их трудом; 4) на капиталистов возлагается также обязанность непрерывно использовать свои капиталы и предоставлять работу трудящимся на своих предприятиях, коллективно гарантировать предоставление работы безработным; 5) устанавливается, что в случае неиспользования производственных фондов, наносящего ущерб трудящимся, эти фонды экспроприруются во имя общественных интересов²⁸.

Ограничивая права предпринимателей-капиталистов, государство в то же время должно оказывать поддержку свободному движению трудящихся и ассоциации. В этом отношении оно может сделать очень

²⁷ Выдвигая это требование, Пеккёр считает необходимым отмежеваться от анархистов, для которых, как он говорит, в упразднении «лихоимства» заключается весь социализм. Между тем, с точки зрения Пеккёра, это только одна из предварительных мер и притом не основная. Анархисты проповедуют беспроцентный кредит, не упраздняя конкуренции, не считая необходимой ассоциацию. Но там, где нет солидарности, где не регламентирована, не объединена под общим руководством вся экономическая деятельность, не может быть беспроцентного кредита. Борьба против всех видов «лихоимства» может быть доведена до конца только на почве ассоциации («Salut du peuple» № 2, стр. 21, 23; № 3, стр. 16).

²⁸ Там же № 3, стр. 19, № 5, стр. 13.

²³ «Salut du peuple» № 1, стр. 20—21.

²⁴ Там же, стр. 22—26.

²⁵ Там же, стр. 28.

²⁶ Там же, стр. 24—28.

много. Оно может помогать рождающимся ассоциациям путём денежных субсидий. Оно может укрепить их, санкционировав в законодательном порядке их уставы. Оно может содействовать объединению ассоциаций путём их федерирования, устранять возникающие между ними споры, препятствовать созданию между ними отношений зависимости, поощрять их развитие к образованию основанной на подлинной солидарности «ассоциации ассоциаций».

Пеккёр допускает, наконец, что государство может принять активное участие в общественном преобразовании путём организации национальных мастерских, хотя этому мероприятию он отнюдь не придаёт значения решающего или хотя бы наиболее желательного метода социальной реформы. Большие социальные улучшения начинаются снизу, но завершаются сверху. Если движение к социализму начнётся с добровольных ассоциаций и с их добровольного объединения, то оно должно закончиться признанием ассоциацией обязательной. Прогресс осуществляется путём совместного действия государственного вмешательства и свободной деятельности индивидов: за свободной деятельностью следует закон, санкционирующий её достижения. Вмешательство народного суверенитета, прямое или косвенное, неизбежно; нельзя сделать ни одного шага в направлении социальных реформ, не прибегая либо к его инициативе либо к его помощи. Свободная ассоциация хороша как средство, но цель — ассоциация обязательная. Свободная, т. е. факультативная, ассоциация неспособна гарантировать будущее пролетариата: в ней многое зависит от произвола индивидуальных решений, от эгоистических интересов. Если мы признаём за индивидами право на труд, то мы должны признать за обществом обязанность обеспечить каждому возможность пользоваться орудиями труда. А это требует превращения общества в центр производства и распределения богатств, требует создания обязательной национальной ассоциации. Добровольные акты могут содействовать общественному преобразованию, но завершить его, придать ассоциации характер всеобщего и постоянного социального порядка может лишь санкция закона²⁹.

Таким образом, даже в том случае, если движение к социализму совершается «путём свободы», по мнению Пеккёра, наступает момент, когда государство, и ранее теми или иными способами содействовавшее этому процессу, должно как бы подвести ему итоги, оформив законом окончательную передачу суверенному народу права собственности на орудия труда, социализацию земли и капиталов. Но Пеккёр, как мы уже упоминали, в своих статьях 1850 г. допускает также возможность иного пути социалистического преобразования — пути единовременной, радикальной перестройки общественных отношений «сверху». Это, пожалуй, самая интересная из новых черт, привнесённых в социальное учение Пеккёра революционными годами.

Есть два момента, говорит Пеккёр, благоприятных для глубоких и решительных реформ: момент подготовки пересмотра конституции и момент, непосредственно следующий за революцией. Во Франции через 60 лет после 1789 г. в великом деле создания национального богатства, распределения и потребления царят те же порядки, какие существовали в «прекрасные дни» правления королей и аристократов старого режима. Суверенный народ вскоре это поймёт и захочет разрубить этот гордиев узел, что для него вполне возможно. Достаточно при одном из будущих пересмотров конституции, не говоря уже о неординарных фатального порядка (Пеккёр имеет в виду, очевидно, революцию), объявить, что в великой лаборатории общественного богатства имеются лишь различные функции и выполняющие их члены ассоциации³⁰. Учредительное собрание или же собрание по пересмотру конституции демократической и социальной республики не только может, но и должно принять действительные меры в целях универсализации собственности. Нужно всех сделать собственниками, притом не в течение пятидесяти, ста или тысячи лет, а сразу при помощи единого декрета. И это можно сделать, отменив частный кредит, индивидуальное и производное владение орудиями производства³¹. Преимущество такого законодательного решения социальной проблемы Пеккёр считает то, что оно «с завтрашнего дня» обеспечивает каждому право на труд в соответствии с его способностями и возможностью делать сбережения; для этого он должен лишь подчиниться общим условиям труда. Пеккёр понимает, что этот путь преобразования предполагает в качестве предпосылки экспроприацию в общественных интересах собственников орудий труда. Именно это обстоятельство, по его мнению, отталкивает многих от такой единовременной реформы анархической индустрии. Очевидно, чтобы примирить общественное мнение с идеей экспроприации, Пеккёр выдвигает предложение о выкупе, о всеобщей, постепенной или единовременной, экспроприации с вознаграждением, которое обеспечило бы существование экспроприированных. Провести такую меру суверенный народ может, дав путём всеобщего голосования соответственный наказ национальному собранию, облечённому полномочиями для пересмотра конституции³².

С точки зрения морали и права насильственная экспроприация, по мнению Пеккёра, не является несправедливостью. Она является средством для установления такого порядка, при котором все имеют равные условия развития и благополучия при обязательной для всех необходимости работать, чтобы жить. Чем же плохо участие экспроприированных, спрашивает Пеккёр, если труд является общей обязанностью? Компенсация не есть оплата, обязательная для общества, это акт благородства и щед-

³⁰ Там же № 2, стр. 30; № 5, стр. 11.

³¹ Там же, стр. 17—18.

³² Там же, стр. 19.

рости, как бы мост между прошлым и будущим. Принцип экспроприации для общественной пользы так же стар, как и общество. Каждый раз, как общество делало шаг в направлении свободы, равенства и братства, оно создавало новых собственников путём передела земли, путём ограничения размеров собственности в каждой семье, путём отмены долговых обязательств. Переделы земли и решения об отмене долгов повторялись неоднократно как у евреев, так и в греческой и римской цивилизации. Всякий раз, когда концентрация и монополизация богатств достигали у какого-либо народа крайней степени, народ или погибал в состоянии анархии или возрождался, создав новых собственников. Так, во время французской революции были экспропрированы духовенство и дворянство, а национальные имущества были проданы по дешёвой цене среднему классу, до того нищему и подчинённому аристократии. Но эти меры, сопровождавшиеся насилиями, были одновременно и недостаточными и несправедливыми. С одной стороны, они шли на пользу лишь некоторым, а не всем тем, кто имел равные права на их помощь, с другой стороны, они не мешали возникновению пауперизма и пролетариата; наоборот, революционные экспроприации содействовали их росту. Этим прежним реформам не хватало принципа взаимности и солидарности, принципа обязательной ассоциации³³.

Будущая экспроприация восстановит пользование орудиями труда для всех и на равных условиях; она создаст столько собственников, сколько имеется трудящихся, — не исключительных собственников, пользующихся и злоупотребляющих собственными условиями богатства, а собственников коллективных³⁴. «Аграрный закон», передел собственности на условиях индивидуального владения и свободного распоряжения орудиями труда, неизбежно привёл бы в дальнейшем к возрождению неравенства, к нищете. Такова природа свободного обмена, свободного производства, закона спроса и предложения, конкуренции. Сохранение этих принципов общественной организации вновь восстановило бы все пороки общества, временно устранённые несовершенными уравнительными мероприятиями. Вот почему экспроприация имеет оправдание лишь в том случае, если трудящиеся, в пользу которых она производится, обязуются образовать нерасторжимую ассоциацию, если экспроприированные фонды, как достояние общественное, никогда не смогут вновь подвергнуться дроблению, индивидуальной апроприации³⁵.

Пеккёр старается сделать экспроприацию возможно более приемлемой для экспроприруемых. Он предупреждает их о возможности революционной бури и насилий, если они не проявят духа соглашения, если они будут упорно держаться за свои приобретённые права. Гораздо выгоднее согласиться на выкуп, который обеспечит быв-

шим капиталистам спокойное существование. Надо лишь иметь в виду, что общество не сможет выплатить им компенсацию одновременно и они не смогут извлекать доходы из сумм, получаемых ими в виде компенсации. Компенсация должна будет выплачиваться путём ежегодных платежей, которые, ввиду запрещения всех форм нетрудового дохода, могут быть использованы исключительно для приобретения предметов потребления³⁶.

Меньше всего находим мы в журнале указаний на какие-либо изменения в той картине завершённого социалистического порядка, которую Пеккёр дал в «*Théorie nouvelle*». Всё же и здесь необходимо отметить две характерные детали, свидетельствующие о направлении, в котором эволюционировала мысль Пеккёра перед тем, как он окончательно отошёл от политической и литературной деятельности. Во-первых, он решительно отказывается от термина «социализм» по отношению к своему идеальному порядку и называет этот порядок «условным коммунизмом» в отличие от «абсолютного коммунизма первых христиан», под которым он разумеет полную общность благ. Термин «социализм» стал, по его мнению, слишком эластичным, так как им пользуются доктрины, не имеющие ничего общего с подлинным социализмом (в первую очередь Пеккёр имеет здесь в виду, повидимому, Прудона). Во-вторых, характеризую принцип распределения в будущем обществе, Пеккёр возвращается к старой коммунистической формуле — «каждому по его потребностям» — формуле, которую он считал ранее неосуществимой и которую заменял в «*Théorie nouvelle*» принципом «равного вознаграждения за эквивалентные функции»³⁷.

Как видим, революция 1848 г. обогатила представления Пеккёра о путях перехода к социализму рядом новых идей. Несомненно изменение отношения Пеккёра к насильственному перевороту, который он склонен теперь признать не только законным, но и более вероятным способом осуществления прогресса. Несомненно также, что ведущую роль в деле социалистического преобразования он склонен относить в своих послереволюционных статьях не «среднему классу», а пролетариату. Весьма интересна, с этой точки зрения, пропаганда в журнале Пеккёра организации Рабочего союза и намечавшаяся Пеккёром программа его деятельности. Весьма значительны по своему политическому смыслу эволюция взглядов Пеккёра на государство и участие его в построении социалистического порядка. Наиболее существенно появление в его концепции мысли о возможности осуществления социального идеала в результате успешной революции, путём пересмотра конституции, минуя длительный процесс развития ассоциации.

Однако проникновение в социально-политические воззрения Пеккёра этих новых элементов не вызвало пересмотра основ его

³³ «*Salut du peuple*» № 5, стр. 20—22.

³⁴ Там же, стр. 23.

³⁵ Там же, стр. 25; № 6, стр. 25—26.

³⁶ Там же № 6, стр. 23—24.

³⁷ Там же № 1, стр. 4, 9, 11, 12, 16; № 2, стр. 10.

социальной философии. Она осталась по-прежнему идеалистической, а следовательно, неспособной открыть подлинные закономерности исторического развития. Предлагаемые Пеккёром практические мероприятия, не имеющие под собою прочной основы научного понимания законов движения общества, и в этот период не представляют собой единой продуманной программы. Его представление о путях перехода общества к социализму остаётся, как и ранее, эклектическим.